

ТЕОРИИ И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Социальная адаптация личности

DOI: 10.31862/2073-9788-2022-1-81-99

Ирина Шаповал

СОЦИАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕФИЦИТЫ ЛИЧНОСТИ: СИСТЕМНАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ И ВЕКТОРЫ ДИНАМИКИ

Аннотация. Обсуждаются результаты проверки гипотезы автора о системной природе социально-эмоциональных дефицитов личности и их диссипативной самоорганизации в векторах дисфункциональной само- и несамодетерминации. Исследование выполнено в логике постнеклассической парадигмы в синергетической связи гуманитарных и естественнонаучных наук и использует методы междисциплинарного категориального и генетического анализа, апперцепирования и моделирования. Авторская модель социально-эмоциональных дефицитов личности (СЭД) представляет их системную самоорганизацию. Установлены двулинейные цепи причинения внутрисистемных связей: обмен энергией и информацией в направлениях «снизу вверх» и «сверху вниз». Показаны связи содержания подсистем СЭД с доминантой дисфункциональной само- и несамодетерминации личности. Описаны факторы устойчивости системы: ее «память», условные «выгоды» консервации и наличие замкнутых циклов. Дано объяснение появлению диссонансов в эволюции системы: цикличность процессов ее самоорганизации и разрегуляции и влияние внутренних, внешних и случайных флуктуаций. Доказано, что благодаря взаимодействию и содействию СЭД информационно и энергетически усложняются, а их система самоподкрепляется и самодостраивается.

Ключевые слова: социально-эмоциональные дефициты; диссипативная самоорганизация; ментализация; границы Я; «модель психического»; компенсаторные адаптации; самодетерминация; несамодетерминация.

Abstract. *The article presents the results of testing the hypothesis about the systemic nature of socio-emotional deficits of the personality and their dissipative self-organization in the vectors of dysfunctional self- and non-self-determination. The research is carried out in the logic of the post-non-classical paradigm in the synergetic connection of the humanities and natural sciences. Used interdisciplinary methods of categorical and genetic analysis, apperceiving and modeling. The author's model of socio-emotional personality deficits (SED) represents their systemic self-organization. Two-line chains of causing intra-system connections are established: the exchange of energy and information in the «bottom-up» and «top-down» directions. It is shown that the content of the subsystems of SED is associated with a dominant dysfunctional self- or non-self-determination of the personality. The stability factors of the system are described: its «memory», conditional «benefits» of conservation and the presence of closed cycles. The reasons for the appearance of dissonances in the evolution of the system are explained: the cyclicity of the processes of its self-organization and deregulation, and the influence of internal, external and random fluctuations. It is proved that the interaction and assistance of SED complicates them informationally and energetically, and their system is self-reinforcing and self-building.*

Keywords: *socio-emotional deficits; dissipative self-organization; mentalization; self boundaries; «theory of mind»; compensatory adaptations; self-determination; non-self-determination.*

Актуальность
исследования
проблемы социально-
эмоциональных
дефицитов личности
на современном этапе

На рубеже тысячелетий в российской психологии были подняты проблемы дефицитов эмоциональности личности, проявляющихся в равнодушии, утрате смысла, взаимном непризнании и недоверии соотечественников друг к другу (К.А. Абульханова, А.Н. Славская и др.). Процессы глобализации и миграции представителей разных культур в следующие десятилетия обостряют социальную неопределенность и фрагментацию жизненного пути человека, определяя хронический характер его фрустрации, клиповость реальности, нарушения отношения к себе, к другим и способности к отклику на отношение другого. Параллельно растут и культивируются ориентации личности на активное стремление к успеху, самоконтроль, рационализм в отношении эмоций, нетерпимость к дискомфорту. Сочетание этих тенденций генерирует «тепловую смерть чувства» (К. Лоренц), или «глобальное эмоциональное охлаждение» (А. Хохшильд): стремление снизить инвестиции эмоционального капитала и минимизировать связанные с ними риски. В этих условиях социально-эмоциональные дефициты человека, складывающиеся уже на ранних этапах онтогенеза, усугубляют распространение таких феноменов личности, как негативная эмоциональность, отчуждение, диссоциальность [1], межличностные и социальные деформации. Их злокачественное влияние на важнейшие сферы функционирования личности актуализирует научный анализ механизмов и динамики

Цели и гипотезы
исследования

генеза социально-эмоциональной дефицитарности как устойчивой характеристики субъекта.

Целями настоящей работы являются анализ и описание социально-эмоциональных дефицитов личности как феномена открытой неравновесной системы. Мы предполагаем, что социально-эмоциональные дефициты личности представляют собой открытую динамическую неравновесную систему, ее генез и функционирование разворачиваются в общем русле диссипативной самоорганизации, а векторами динамики выступают дисфункциональная само- и несамодетерминация личности.

Методы и этапы
исследования

Теоретический анализ и синтез изучаемых феноменов осуществлялись в логике постнеклассической общенаучной парадигмы с позиций синергетики и системного детерминизма. В указанной логике пересекаются гуманитарные и естественнонаучные подходы к исследованиям личности: персонология, психология детства, генетическая эпистемология, когнитивная, сравнительная и клиническая психология, нейрофизиология и психология. Соответственно этапам исследования использовались: 1) методы междисциплинарного категориального и генетического анализа конструкторов ментализации, аттачмента, репрезентаций, модели психического; 2) методы апперцепирования и моделирования в разработке и обосновании авторской модели системной самоорганизации социально-эмоциональных дефицитов личности.

Общие дефиниции
когнитивно-
смысловых условий
развития личности
и его расстройств

Современные исследователи в области психологии личности, развития, клинической и социальной психологии, антропологии все чаще в качестве базального фактора или необходимого условия развития личности (в том числе его расстройств) рассматривают содержательно близкие конструкторы – «ментализация», «theory of mind», «модель психического»; реже встречаются «атрибуции психических состояний» и «рефлексивное сознание». Одни авторы считают термины «Theory of mind» (далее ТоМ), «модель психического» и «ментализация» взаимозаменяемыми, другие определяют ментализацию предсознательным феноменом и более широким понятием, а ТоМ / модель психического как репрезентативную теорию сознания – операционализацией ментализации [2; 3]. Другими словами, ментализация предстает генетически более ранним конструктором, основой формирования и развития ТоМ. Преломление в контексте клинической и патопсихологии идей Л.С. Выготского [4] позволяет трактовать социально-эмоциональные дефициты в структуре модели психического как следствия осложнения и реструктуризаций натуральных функций человека в процессе их развития и одновременно как результаты взаимодействий этих функций с ограничениями и требованиями культурной среды. Сложные взаимосвязи составляющих социально-эмоциональных дефицитов (далее – СЭД) представлены в их

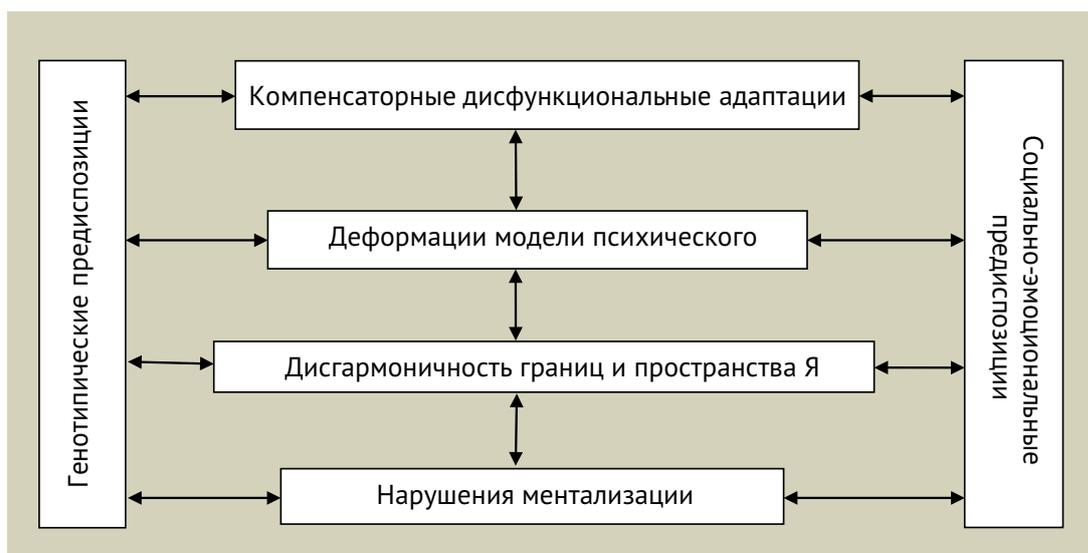

Рис. 1. Модель системной самоорганизации социально-эмоциональных дефицитов личности

гене́зе и динамике на рисунке 1; ниже анализируются характеристики этих составляющих.

Сущность ментализации и ее репрезентаций

Ментализация отражается в умении человека «схватывать» свое и другого человека ментальные состояния – внутренний опыт человека (настроения, мотивы, чувства, мысли, желания, цели, потребности) – интерпретировать и репрезентировать их и на этой основе объяснять и прогнозировать поведение. Репрезентации ментальных состояний выступают способами познания мира и отношений между людьми, необходимы для гипотетических объяснений своего и чужого поведения и могут быть холистическими (целостное, связанное, но приблизительное описание) и аналитическими (детализация картины мира). В онтогенезе репрезентации развиваются и иерархизируются [2]: начиная с первичных (дифференцируются «знать», «думать» и «помнить»), затем – вторичных (думать о несуществующем – прошлом, возможном, будущем – и строить причинные гипотезы) и заканчивая (не обязательно) метарепрезентациями – представлять, что кто-то представляет что-то.

Функции процессов ментализации

Функции процессов ментализации, формирующих репрезентации всего происходящего с человеком в его сознании, дифференцированы [5; 6]. Так в отношении Я это функции: а) сведения телесного, эмоционального и когнитивного в единое целое: *понимаю, что со мной и могу о себе рассказать*; б) поддержания стабильности саморепрезентации: *могу подумать чужую мысль и затем вернуться к собственным*; в) умения увидеть себя глазами другого. В итоге Я становится более ясным для себя самого и для Другого, в отношении которого функции ментализации иные – позволить: а) принять как

Системные связи ментализации	<p>данность, что у Другого – другое, собственное сознание; б) сохранять возможность неоднозначности и не рассматривать свои проекции как единственный ориентир его понимания; в) признать его не только необходимым способом удовлетворения своей метапотребности в признании, но и субъектом Я–Ты отношений.</p> <p>Системный подход к ментализации позволил выделить два вида ее связей [7]. Внутрисистемно связаны компоненты ментализации: аффективные (эмоциональный вклад и аффективный тон отношений, эмпатия) и когнитивные (когнитивная дифференцированность и понимание социальной причинности). Межсистемно ментализация (особенно при снижении аффективного компонента) связывается с манипулятивными установками, а также с эмоциональной саморегуляцией эмпатии [8; 9]: распознаванием и пониманием эмоций, эмоциональным резонансом и контролем.</p>
Генотипические predispositions СЭД личности	<p>Обзор литературы по проблеме СЭД показывает междисциплинарную разрозненность данных об их причинах и проявлениях и недостаточность прямого объяснения их появления, развития и резистентности к коррекции принципом «Бытие определяет сознание». Исследования генотипических predispositions развития ментализации и эмпатии отмечают уже в пренатальном периоде важную роль в онтогенезе мозговой организации ТоМ гонадных гормонов и особенно тестостерона [10; 11], рост которого коррелирует со снижением социального и эмоционального уровня развития и увеличением показателей аутизма (вне связи с полом). Изучение с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии (fMRI) механизмов медиации задач ментализации показало многоуровневость и билатеральность развития ее процессов и связи с нарушениями ТоМ [12; 13], а также с психическими и психопатическими расстройствами [14; 15]:</p>
Амигдала и префронтальная кора отвечают за негативные эмоции	<p>Амигдала и префронтальная кора отвечают за негативные эмоции страха, злости, отчаяния, в том числе за дефицит эмоционального отклика на чужие страдания. Изменение перекрытия и взаимосвязи с амигдалой эмоциональной и когнитивной субсистем, локализующихся в верхней фронтальной борозде и в нижнем цингулярном кортексе, обнаружено при РАС (расстройствах аутистического спектра), шизофрении и психопатии.</p> <p>Дефицит префронтальной коры и абнормальная активация в миндалине (паралимбическая система) объясняют «отсутствие ключей» к социальным стимулам и проблемы эмоционального обучения у лиц с расстройствами личности: пограничным (ПРЛ) и антисоциальным. Близки к этому лица с РАС: спонтанно не подключаясь к происходящему с другими, они испытывают дефицит инструментального обучения, внимания и способности к развитию сложных правил и моральных установок.</p>

Клинико-психологические механизмы нарушений ментализации

Согласно теории базальной эмоциональной регуляции аффективного контакта человека с миром (О.С. Никольская [16]), ослабление или повреждение одного из уровней системы регуляции ведет к общей аффективной дезадаптации ребенка. С другой стороны, чрезмерное усиление (гиперсензитивность) или сужение того или иного уровня (гипосензитивность) определяет аффективную дефицитарность личности: на уровне оценки интенсивности воздействий среды это искажения восприятия сенсорных сигналов другого человека; на уровне аффективной коммуникации – понятий *хорошо–плохо, стыдно, мое, не мое* и, как следствие, отношения к запретам и межличностной дистанции.

Социально-эмоциональные predispositions СЭД

В этом контексте натуральные генотипические predispositions ментализации и ТоМ в интерактивных процессах системы раннего аттачмента актуализируются, развиваются и реструктурируются в формах ментальных репрезентаций Я и Другого и затем во внутренних рабочих моделях ребенка как обобщенно-абстрактных схемах и алгоритмах выстраивания взаимодействия в социальных ситуациях (Дж. Боулби). В процессе последующего развития ребенка эти рабочие модели организуют когнитивную обработку социальной информации, эмоциональные и физиологические реакции на угрозы и в целом управляют социальным поведением. Эмпирически установлены связи привязанности с компетенциями эмпатии [17; 18]:

- надежная привязанность ↔ более эффективные расшифровка поведенческих сигналов эмоций, понимание содержания и последствий эмоций, подавление стереотипных поведенческих реакций;
- избегающая ↔ подавление, минимизация и недооценка своих негативных эмоций, игнорирование или избегание негативных эмоций других, подавление чувства сопереживания и использование «агрессивных» стратегий регуляции эмоций;
- ненадежная ↔ плохое понимание своих эмоций, неумение ими управлять, низкая чувствительность и способность понимать чувства и мысли других людей.

Влияние деструктивного аттачмента на развитие ментализации и ТоМ

Важнейшими механизмами связи аттачмента и эмпатии признаются детско-родительские разговоры о чувствах и составляющие эмоциональной регуляции – понимание, контроль, регуляция и нейробиологические процессы [19; 20]. Показано, что депрессивная мать затрудняет регуляцию ребенком сильного возбуждения и снижает ментализационную проработку чужой боли в его мозге: нейронная реакция на боль в отделе, связанном с социально-когнитивной обработкой, прекращается раньше [21]. Качество ТоМ детей отрицательно связано с авторитарным властным родительским контролем и положительно – с авторитетным (автономическим) родительским отношением [22].

В целом исследования зависимости между способностями к ментализации матери (родителей) и ребенка ассоциируют растворяющийся-избегающий, дезорганизованно-дезориентированный, озабоченный тип аттачмента с абьюзом и прямой угрозой ментализации и Я-концепции.

Психологические механизмы появления «самопоражающих» Я-репрезентаций и нарушений ментализации

Поскольку незрелая детская ментализация еще не способна разделить мотив и результат аттачмента, она фиксирует не способность матери к эмпатии, но собственную проблему – «самопоражающие» Я-репрезентации: «Я не заслуживаю хорошего отношения» [5; 9; 23]. Страдая от психологического манипулятивного абьюза со стороны взрослых, дети становятся «использованными» или «травмированными». Если родители делают ребенка своим «нарциссическим расширением», он в жесткой токсичной схеме «выгоды» для семьи регулярно провоцируется на поиск одобрения: «Мы будем тебя любить, если...». «Травмированного» ребенка постоянно ставят в ситуацию обесценивания или унижения его Я и при этом отказывают ему в поддержке. В целом паттерн манипулятивного абьюза становится триггером снижения у ребенка доверия к фигуре Другого, утраты способности к адекватной ментализации и разного рода ее нарушений [7; 24; 25]:

Паттерн манипулятивного абьюза становится триггером снижения у ребенка доверия к фигуре Другого

- Конкретность ментальных репрезентаций на фоне их когнитивной упрощенности и дефицита их символизации и осознанности редуцирует понимание себя и Другого.

- Гипер- и гипоментализация – чрезмерное или недостаточное приписывание эмоций, намерений, убеждений другим людям – сочетаются с гиперактивацией ТоМ (шизофрения, биполярное расстройство) и ее гипоактивацией (РАС).

- «Квази»- или парааутизм – парадоксальное сочетание «как бы» независимости от присутствия Другого, абсолютной зависимости от своих аутистически-эгоцентрических фантазий и манипуляций Другими – характеризуют псевдоментализацию.

- Отказ от ментализаций провоцируется их наказуемостью или бессмысленностью, а появляющиеся «нементализованные» чувства «плохого Я» и «его-деструктивный стыд» формируют «дефект в конструкции Я».

Связь нарушений ментализации со становлением границ Я

Общим следствием приведенных выше вариантов ослабления и/или искажений ментализации становятся дефициты и фракционирование «ментализационного поля»: в его структуре отсутствуют (не репрезентированы или не интегрированы) отдельные события, переживания, эмоции. В этих условиях неизбежна дисфункциональность границ внутреннего и внешнего мира: фантазии и реальность Я и Другого смешиваются или слишком жестко разграничиваются, их образы и пространства искажаются. При этом система границ Я имманентно ограничена в обеспечении саморегуляции личности уровнем ее зрелости,

Дисфункции границ Я тесно связаны с нарушениями ментализации

условиями обмена информацией и энергией с внешней и внутренней средой и системной закономерностью циклов ее регуляции—«разрегуляции». Согласно нашим данным [26], дисфункции границ Я тесно связаны с нарушениями ментализации:

- Снижение или подавление ментализации у «текущего Я» коррелирует с размытостью и неосознаваемостью его границ. Чрезмерно тонкие, доступные для вторжения, уязвимые к стрессу границы не дают сориентироваться в Я, установить границы с Не-Я и сгладить самоотчуждение. Дефицит отграничения от ситуативных контекстов и аффектов определяет «полезависимость» от них.

- Для гипо-, псевдо-, компарментализации типичны непроницаемые и ригидные границы. Жестко отделяя Я от проникновений извне, не допуская обмена репрезентациями, они изолируют отдельные суб-Я и игнорируют их нарративы и чувства. В итоге становление у ребенка «опыта границы» в эмоциональных контактах со средой и специфика его адаптивного стиля, «укладывающиеся» в модель психического, искажаются.

Сущность, становление и специфика модели психического

М.А. Иосифян с соавт. освещает сложившиеся в мировой науке варианты структурирования моделей психического / ТоМ [27]:

- по критерию последовательности развития выделяют компоненты модели: желания, различие мнений, доступность знаний, понимание неверных мнений и скрытых эмоций;

- по критерию осознаваемого / спонтанного приписывания другим ментальных состояний их различают на эксплицитные и имплицитные;

- по источнику информации о ментальных состояниях других выделены перцептивный и когнитивный компоненты: непосредственно данная (выражение лица и т.п.) и знания и контекстуальная информация о человеке;

- по объекту понимания: «горячий» аффективный (что чувствует Другой) и «холодный» когнитивный (что думает Другой) компоненты. Выделяют также волевой/когнитивный компонент – попытки влиять на чужое ментальное состояние.

Результаты исследований модели психического

В отечественных исследованиях ТоМ (А.С. Герасимова, Е.И. Лебедева, О.А. Прусакова, Н.И. Колесникова под руководством Е.А. Сергиенко [2]) выявлены и описаны двухуровневая организация (агент и наивный субъект) модели психического и этапы ее развития у детей 3–6 лет: от единичных, разрозненных репрезентаций к ситуативным и внеситуативным моделям. Доказана дефицитарность модели психического у детей-сирот (понимание обмана, эмоций и причин поведения других людей на основе их внутренних состояний). Установлена возрастная и гендерная специфика взаимосвязей

компонентов модели психического у взрослых, а также автономность конструкторов понимания эмоций, обмана и «чтения» по глазам внутри общей структуры модели. В других исследованиях показана связь уровня развития ТоМ с развитием рефлексии, моральных представлений, стратегического социального планирования, целенаправленного социального поведения, эмпатии. Специфика последнего феномена обнаружена [28; 29]: в различиях когнитивного и аффективного типов эмпатии, в ее личностной или ситуативной природе, в связях с поведением, с особенностями ее объекта и пониманием причин возникновения ее субъектом. Проблему автоматичности (позиция представителей нейронаук) или контролируемости эмпатии продолжает тема конгруэнтности–неконгруэнтности ее эмоциональных проявлений. Модель М. Дэйвиса [30] интегрирует предпосылки эмпатии (личностные или ситуативные), ее процесс и последствия (интра- и интерперсональные).

Компенсаторные дисфункциональные адаптации личности к социально-эмоциональным дефицитам

Рассмотренные выше феномены – нарушения ментализации, границ Я, модели психического, последовательно складывающиеся в систему СЭД, – человек вынужден как-то компенсировать уже в детском возрасте. Если взрослый располагает более или менее зрелыми копинг-стратегиями, то ребенок, интегрируя «внутренние» и сформировавшиеся под влиянием среды позиции, создает дезадаптивные личностные адаптации [31]. «Выживающий» тип адаптаций (шизоидный, антисоциальный, параноидный) формируется уже у младенцев, утративших уверенность в заботе извне и вынужденных самостоятельно «определять», что им делать. «Исполняющие» способы адаптации к ожиданиям родителей (пассивно-агрессивная, обсессивно-компульсивная и гистрионическая) формируются до 6 лет. Эти ранние дезадаптивные компенсаторные схемы постепенно становятся центром Я и всех основных переживаний [32], то есть надстраиваются над описанными выше составляющими СЭД. Тем самым компенсаторные дисфункциональные адаптации расширяют и укрепляют систему СЭД личности искаженными способами удовлетворения ее потребностей в социально-эмоциональной сфере: в связях и отталкиваниях, в границах и автономии, в сверхбдительности и подавлении и т. д. [1].

Модель самоорганизации системы СЭД

Общая модель самоорганизации СЭД, представленная на рисунке 1, характеризует СЭД как сложную динамическую систему, каждый компонент которой является подсистемой, связанной с другими пространственными, временными и функциональными связями. Как мы писали ранее [33], иррациональное деструктивное поведение коррелирует, как правило, с одной из полярных интенций: ассимилятивной конформистской пассивной или аккомодативной неконформистской

	<p>экспансивной. Этим интенциям соответствуют границы возможностей Я в отношении избегания негативных эмоций или овладения ими, «война» за сохранение позитивного чувства Я или компенсация чувства неполноценности, самодистанцирование или обеспечение автономности и т.д.</p>
Вариации содержания системы СЭД	<p>В целом речь идет о само- и несамодетерминации личности; типичное доминирование первого или второго согласуется с качественными различиями в содержании подсистем СЭД и вариантами генеза и функционирования самой системы (таблица).</p>
Характеристики СЭД как системы	<p>Согласно синергетической концепции самоорганизации систем (Г. Хакен), система СЭД открыта для интенсивного множественно-дискретного обмена информацией и энергией с окружением и внутри себя; с другой стороны, несогласованное взаимодействие подсистем делает систему неравновесной. Как говорилось в начале статьи, современная социальная ситуация уже определяет восприятие нестабильности и непрогнозируемости жизни, спутанности норм, ценностей, правил, ролей как должного. В этих условиях произвольное изменение внутренних регуляторов поведения и отказ от стереотипов в социальных взаимодействиях требуют гибкости мышления и поведения. Однако носители СЭД фиксированы в своем бытии на полюсах дисфункциональной само- или несамодетерминации, исключающих диалог с собой, и потому задачи самоизменения для них проблематичны: одни, по словам М. Бубера, хотят устранить память, другие – регулировать ее.</p>
Факторы направленности процессов системы СЭД	<p>В логике системного детерминизма и диссипативной самоорганизации направленность процессов системы зависит, прежде всего, от внутренних свойств ее подсистем. Как показано на рисунке 1, внутрисистемные связи СЭД имеют характер двулинейных цепей причинения с обратной связью: перенос энергии и информации между подсистемами происходит не только от причины к следствию, но и от следствия к причине. Другими словами, динамику СЭД определяет не только вектор дисгармоничного или искаженного развития «снизу вверх», но и обратное влияние на исходные Я-репрезентации уже встроенных в схемы адаптации неадаптивных когниций (А. Бек) и иррациональных долженствований (А. Эллис) – «сверху вниз» (табл.). Взаимодействие и содействие подсистем СЭД в процессах их самоорганизации информационно и энергетически усложняется и влияет на их динамику, самовосстановление и самодостраивание.</p>
Факторы смены диссонансов и консонансов в системе СЭД	<p>Сложившиеся в ранних рабочих моделях негативные убеждения в отношении Я и Других имеют общую тенденцию непрерывно упорядочиваться и саморазвиваться, обретать новые свойства и формы организации без воздействия извне, но благодаря неспецифическому эволюционному воздействию.</p>

Эта тенденция определяет и способность системы к диссипативной самоорганизации [34], и смену в ней диссонансов и консонансов, благодаря трем важным факторам:

«Память» системы СЭД диктует настоящее и будущее человека, сохраняя инерцию информационно-энергетического метаболизма и сложившихся благодаря «ложному обучению» и неверному программированию мозга неэффективных психофизиологических, аффективных и когнитивных стереотипов. Стремление системы поддерживать биохимический и нейродинамический status quo подкрепляет склонность психики охранять как свое важнейшее достояние уже выработанные способы компенсаторной дисфункциональной адаптации.

Поскольку система ориентируется на достижение не только гомеостаза, но и гетеростаза, она сохраняет внутри себя равновесные, противоречивые и не нацеленные на балансирование чувства, мысли и отношения. Тем самым обеспечивается цикличность процессов самоорганизации и разрегуляции системы как разных векторов ее эволюции: прогресса или деградации, устойчивости или тенденции к распаду.

Хаотичные изменения внешнего и внутреннего мира, не зависящие от воли человека, нарушают устойчивость системы СЭД. Непрерывные вмешательства факторов случайности и неопределенности усиливают флуктуации системы, создают в ней сильное неравновесие и определяют подверженность ее эволюции одновременно детерминистским законам и флуктуациям. В результате благодаря случайной флуктуации отклик системы на воздействие оказывается противоположным ожидавшемуся.

Факторы сохранения дисфункциональных способов адаптации

Благодаря «памяти» и устойчивости системы в целом, описанным выше, обладатель СЭД, стремясь удержать непрерывность Я в условиях социально-эмоциональной нестабильности и непрогнозируемости, автоматически реализует санкционированные на глубинном уровне его Я компенсаторные способы адаптации. Консервация сложившегося образа Я «выгодна»: если до сих пор модель психического послушно подтверждала единство и согласованность повседневности как естественной данности, то мир социальных связей не гарантирует человеку «выгоды» от изменения им его стереотипов ни в достижении ближайших целей, ни в контексте будущего. Следствием здоровой инерции со стороны системы и самозащитой от радикального вмешательства в жизнь можно считать и сопротивление «правде» (прямолинейным попыткам открыть человеку глаза на него же) и благим советам. В итоге в выборе «журавля» или «синицы» во имя адаптации в настоящем могут приноситься в жертву интересы будущего.

Условия «слома» системы СЭД

«Слом» системы требует от человека сложных шагов. Он должен осознать и признать: во-первых, проблематичность

**Вариации содержания системы СЭД
согласно векторам дисфункциональной само- и несамодетерминации**

Подсистемы СЭД	Содержание подсистем	
	Вектор дисфункциональной самодетерминации	Вектор несамодетерминации
Базальные предрасположенности	<i>Генотипические:</i> дефициты и абномальная активация нейронных основ и гормонального статуса.	
	<i>Социально-эмоциональные:</i> деструктивные типы аттачмента; избегающая и ненадежная привязанности.	
Нарушения ментализации	Конкретность, когнитивная упрощенность, дефициты и фракционирование «ментализационного поля»	
	Дисбаланс в сторону когниций, гипо- и псевдоментализация, недоразвитие метарепрезентаций, подавление ментализационной активности.	Дисбаланс в сторону аффекта, гиперментализация, искажение метарепрезентаций, компартментализация.
Дисгармонии границ и пространства Я	Дисфункциональность границ в обеспечении взаимоотношений С и МЕЖДУ Я и не-Я.	
	Деструктивное Я-отграничение. Границы чрезмерно жестки, артикулированы, фиксированы, непроницаемы для обмена репрезентациями. В пространстве Я много девальвированных или изолированных суб-Я и не-Я.	Дефицитарное Я-отграничение. Границы чрезмерно тонки, проницаемы, уязвимы для вторжения, искажают обмен репрезентациями. Пространство Я «текущее»: территории суб-Я и внутренние ресурсы размыты.
Деформации модели психического – дефициты и искажения	Полярное деление мира и Я на «хорошее–плохое», «сильное–слабое» и т. п. Эмоциональные проявления неконгруэнтны и негативны. Снижена способность к внутреннему диалогу.	
	Дефицит эмпатии и эмоционального ресурса переживания ситуации, социальных чувств долга, признательности, благодарности. Отчужденность или холодность. Страх «быть поглощенным», отсутствие стремления устанавливать эмоционально значимые отношения.	Дефицит эмоциональной саморегуляции, контроля и резонанса, аутосимпатии и самоинтереса. Конфлюэнция с внешним миром. Тревожность, ранимость. Экзистенциальные страхи пустоты, одиночества, интимности и «покинутости».
Компенсаторные дезадаптивные адаптации	Избегание или игнорирование социальной природы человека. Неспособность или отказ от внутреннего диалога. Адаптации по типу «клише», «искусственный» (Ф. Перлз).	
	Автономная интернальная ориентация. Эмоциональная изоляция, нарушения связей и отталкивания, манипулятивные сверхбдительность и подавление. Избегание, дистанцирование, «играизация», ношение социальных масок.	Экстернальная контролируемая ориентация. Нарушения автономии. Эмоциональная экспансия. Расторможенная привязанность, созависимость, безответственность и импульсивность в отношениях. Скрытность, пассивная агрессия.

принимавшихся ранее как данность опыта, прежних схем интерпретации и адаптации; во-вторых, деструктивность своих интра- и интерперсональных позиций; в-третьих, необходимость ответственного разрушения прежних отношений и формирования новых. Однако, учитывая стойкость негативных репрезентаций Других, мало поставить цель ликвидации СЭД и знать способы самоизменения – никогда нельзя быть уверенным в правильности взаимных интерпретаций слов и поступков. И поскольку ситуацию отказа от частей себя (стереотипов, прежнего образа жизни, веры) сопровождают болезненные переживания беспомощности и ответственности за выбор нового Я, этот отказ от «груза своей биографии» (Ф.Е. Василюк) должен быть компенсирован когнитивно и эмоционально. Для изменения прошлого необходимо отпустить прежние отношения, события, схемы их интерпретации и создать для себя новые задачи адаптации, изменив актуальное социальное окружение и интересы. В противном случае паттерны СЭД окажутся в замкнутом деструктивном цикле (таблица).

Основные результаты
и выводы

Логика исследования СЭД с позиций синергетики и системного детерминизма позволяет интегрировать в изучении этого сложного феномена знания из гуманитарных и естественных наук, конструировать новые концептуальные модели в области психологии личности, детства и патопсихологии и инструментировать их в практиках психологической помощи человеку – психотерапии и психологическом консультировании.

Практическая
значимость модели
системной
самоорганизации

Предложенная общая модель системной самоорганизации СЭД личности в перспективе может стать основой для разработки частных моделей и практик, проблематизирующих содержание отдельных подсистем с учетом: а) вектора детерминации личности; б) двулинейности цепей причинения внутрисистемных связей СЭД в обмене энергией и информацией; в) способности системы самоподкрепляться и самодоставляться; г) факторов резистентности системы СЭД и факторов ее разрегуляции, влияние которых может быть как положительным, так и отрицательным.

1. МКБ-11 (Международная классификация болезней 11 пересмотра) [Электронный ресурс]. URL: <https://icd11.ru/> (дата обращения: 12.06.2021)

2. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Уланова А.Ю. Модель психического – способность понимания мира людей // Разработка понятий современной психологии. М., 2018. С. 269–342.

3. Dennis M., et al. Cognitive, affective, and conative theory of mind (ToM) in children with traumatic brain injury //

Developmental Cognitive Neuroscience, 2013. Vol. 5. P. 25–39. doi:10.1016/j.dcn.2012.11.006

4. Тхостов А.Ш. Идеи Л.С. Выготского в контексте клинической психологии [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 2. С. 78–88. doi:10.17759/chp.2020160210 (дата обращения: 12.06.2021)

5. Пестов М. Я – не-Я или исследование неполноты идентичности. М., 2016.

6. Fonagy P., Gergely G., et al. Affect Regulation, Mentalization and the Development of the Self. New York, 2002.

7. Соколова Е.Т., Андреев К.О. Влияние манипулятивных установок на особенности ментализации пациентов с шизотипическими расстройствами [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2018. Том 14. № 1. С. 78–86. doi:10.17759/chp.2018140109 (дата обращения: 12.06.2021)

8. Hastings P.D., Miller J.G. Autonomic regulation, polyvagal theory, and children’s prosocial development // The multidimensionality of prosocial behavior: Biological, socialization, and contextual perspectives. New York, 2014. P. 112–127.

9. Lang A. Machiavellianism and early maladaptive schemas in adolescents // Personality and Individual Differences. 2015. Vol. 87. P. 162–165.

10. Юдина Т.О. Роль врожденных и средовых факторов в развитии эмпатии: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 2. С. 13–23. doi:10.17759/chp.2017130202 (дата обращения: 12.06.2021)

11. Auyeung B., Baron-Cohen S. Prenatal and postnatal testosterone effects on human social and emotional behavior // Understanding Other Minds. Perspectives from developmental social neuroscience. Oxford, 2013. P. 308–325.

12. Шипкова К.М. Мозговая организация «модели психического» [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10, № 3. С. 5. doi: 10.24411/2219-8245-2018-13050 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mozgovaya-organizatsiya-modeli-psihicheskogo> (дата обращения: 12.06.2021).

13. Fletcher P.C., et al. Other minds in the brain: A functional imaging study of “theory of mind” in story comprehension // Cognition. 1995. Vol. 57. № 2. P. 109–128. doi:10.1016/0010-0277(95)00692-r

14. Kozhuharova P., et al. Neural correlates of social cognition in populations at risk of psychosis: A systematic review // Neuroscience & Biobehavioral Reviews, 2020. Vol. 108. P. 94–111. doi:10.1016/j.neubiorev

15. Meffert H., Gazzola V., den Boer J.A. et al. Reduced spontaneous but relatively normal deliberate vicarious representation in

psychopathy // *Brain*. 2013. 136 (8). P. 2550-2562; doi: 10.1093/brain/awt190

16. *Никольская О.С.* Аффективная сфера как система смыслов, организующих сознание и поведение. М., 2020.

17. *Клименкова Е.Н.* Качество привязанности и способность к эмпатии в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 4. С. 119–131. doi: 10.17759/cpp.2018260408 (дата обращения: 18.01.2021)

18. *Viddal K.R., Berg-Nielsen T.S., et al.* Secure attachment promotes the development of effortful control in boys // *Attachment & Human Development*. 2015. Vol. 17 (3). P. 319–335. doi:10.1080/14616734.2014.999098

19. *Sodian B.* Theory of Mind – the case for conceptual development // *Young children’s cognitive development. Interrelationships among executive functioning, working memory, verbal ability, and Theory of Mind*. New Jersey, 2005. P. 95–130.

20. *Stern J.A., Cassidy J.* Empathy from infancy to adolescence: An attachment perspective on the development of individual differences // *Developmental Review*. 2018. Vol. 47. P. 1–22. doi:10.1016/j.dr.2017.09.002

21. *McGinley M.* Can hovering hinder helping? Examining the joint effects of helicopter parenting and attachment on prosocial behaviors and empathy in emerging adults // *Journal of Genetic Psychology*. 2018. Vol. 179 (2). P. 102–115. doi:10.1080/00221325.2018.1438985

22. *O’Reilly J., Peterson C.C.* Theory of mind at home: linking authoritative and authoritarian parenting styles to children’s social understanding // *Early Child Development and Care*, 2014, 184 (12), 1934-1947. doi.org/10.1080/03004430.2014. 894034

23. *Малейчук Г.И.* Парадоксы симптома. Системно-аналитический подход в работе с психосоматическим симптомом. М., 2019.

24. *Бейтман Э., Фонаги П.* Лечение пограничного расстройства личности с опорой на ментализацию. Практическое пособие. М., 2014.

25. *Crespi B., Badcock C.* Psychosis and autism as diametrical disorders of the social brain // *Behavioral and Brain Sciences*, 2008. Vol. 31. № 3. P. 241–261. doi:10.1017/s0140525x08004214

26. *Шаповал И.А.* Дефицитарность границ Я как фактор нарушений ментализации и внутреннего диалога при самоотчуждении [Электронный ресурс] // Вектор науки ТГУ. 2019. № 3 (38). С. 54-60. doi: 10.18323/2221-5662-2019-3-54-60 (дата обращения: 12.06.2021)

27. *Иосифян М.А., Мершина Е.А., Баженова Д.А., Синицын В.Е., Ларина О.М., Печенкова Е.В.* Мозговые механизмы

нарушения модели психического при расстройствах аутистического спектра и шизофрении: обзор данных фМРТ [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 1. С. 17–46. doi:10.17759/cpse.2020090102 (дата обращения: 12.06.2021)

28. Бовина И.Б. Исследование эмпатии: критический анализ и новые перспективы [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 1. С. 88–95. doi:10.17759/chp.2020160109 (дата обращения: 12.06.2021)

29. Cuff B., et al. Empathy: a review of the concept // *Emotion review*. 2014. Vol. 7. P. 1–10. doi: 10.1177/1754073914558466

30. Davis M.H. Empathy: negotiating the border between self and other // *The social life of emotions: Studies in emotion and social interaction*. New York, 2004. P. 19–42.

31. Ware P. Personality Adaptations: Doors to Therapy. *Transactional Analysis Journal*, 1983. 13 (1), P. 11–19.

32. Young J., Klosko J., Weishaar M. Schema therapy: A Practitioner's Guide. New York, 2006.

33. Шаповал И.А. Возможность деструктивности выбора в психологических границах потенциала субъекта // *Развитие личности*. 2017. № 3. С. 159–178.

34. Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам. М., 2014.

REFERENCES

1. МКБ-11 (Mezhdunarodnaya klassifikatsiya boleznei 11 peresmotra) [International Classification of Diseases (ICD)]. URL: <https://icd11.ru/> (Accessed 12.06.2021) (In Russian).

2. Sergienko E.A., Lebedeva E.I., Ulanova A.Yu. Model' psikhicheskogo – spo-sobnost' ponimaniya mira lyudei [The model of the psychic – the ability to understand the world of people]. *Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii*. Ed. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: izd-vo In-ta psikhologii RAN, 2018. Pp. 269–342. (In Russian).

3. Dennis M., et al. Cognitive, affective, and conative theory of mind (ToM) in children with traumatic brain injury. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 2013. Vol. 5, pp. 25–39. doi:10.1016/j.dcn.2012.11.006

4. Tkhostov A.Sh. Idei L.S. Vygotskogo v kontekste klinicheskoi psikhologii [L.S. Vygotsky's Ideas in the Clinical Psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2020. Vol. 16, no. 2, pp. 78–88. doi:10.17759/chp.2020160210 (Accessed 12.06.2021) (In Russian).

5. Pestov M. Ya – ne-Ya ili issledovanie nepolnoty identichnosti [I - not-I or exploring the incompleteness of Identity]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2016. 116 p. (In Russian).

6. Fonagy P., Gergely G., et al. Affect Pegulation, Mentalization and the Development of the Self. New York. Other Press, 2002. 577 p.
7. Sokolova E.T., Andreyuk K.O. Vliyanie manipulyativnykh ustanovok na oso-bennosti mentalizatsii patsientov s shizotipicheskimi rasstroistvami [Influence of Manipulative Attitudes on Mentalization in Patients with Schizotypal Disorders]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2018. Vol. 14, no. 1, pp. 78–86. doi:10.17759/chp.2018140109 (Accessed 12.06.2021) (In Russian).
8. Hastings P.D., Miller J.G. Autonomic regulation, polyvagal theory, and children's prosocial development. *The multidimensionality of prosocial behavior: Biological, socialization, and contextual perspectives*. L.M. Padilla-Walker, G. Carlo (eds.). New York: Oxford University Press, 2014, pp. 112–127.
9. Lang A. Machiavellianism and early maladaptive schemas in adolescents. *Personality and Individual Differences*, 2015. Vol. 87, pp. 162–165.
10. Yudina T.O. Rol' vrozhdennykh i sredovykh faktorov v razvitiu empatii: obzor zarubezhnykh issledovaniy [Role of Genetic and Environmental Factors in the Development of Empathy]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2017. Vol. 13, no. 2, pp. 13–23. doi:10.17759/chp.2017130202 (Accessed 12.06.2021) (In Russian).
11. Auyeung B., Baron-Cohen S. Prenatal and postnatal testosterone effects on human social and emotional behavior. *Understanding Other Minds. Perspectives from developmental social neuroscience*. Ed. by S. Baron-Cohen, M. Lombardo, H. Tager-Flusberg. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. pp. 308–325.
12. Shipkova K.M. Mozgovaya organizatsiya «modeli psikhicheskogo» [Brain organization «Models of mental health»]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii [Medical psychology in Russia]*, 2018. Vol. 10, no. 3, pp. 5. doi: 10.24411/2219-8245-2018-13050 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mozgovaya-organizatsiya-modeli-psihicheskogo> (data obrashcheniya: 12.06.2021). (In Russian).
13. Fletcher P.C., et al. Other minds in the brain: A functional imaging study of “theory of mind” in story comprehension. *Cognition*, 1995. Vol. 57, no. 2, pp. 109–128. doi:10.1016/0010-0277(95)00692-r
14. Kozhuharova P., et al. Neural correlates of social cognition in populations at risk of psychosis: A systematic review. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 2020. Vol. 108, pp. 94–111. doi:10.1016/j.neubiorev
15. Meffert H., Gazzola V., den Boer J.A. et al. Reduced spontaneous but relatively normal deliberate vicarious representation in psychopathy. *Brain*, 2013. 136 (8), pp. 2550–2562; doi: 10.1093/brain/awt190

16. Nikol'skaya O.S. Affektivnaya sfera kak sistema smyslov, organizuyushchikh soznanie i povedenie [The affective sphere as a system of meanings that organize consciousness and behavior]. Moscow: Nauka Publ., 2020. 440 p. (In Russian).

17. Klimenkova E.N. Kachestvo privyazannosti i sposobnost' k empatii v pod-rostkovom vozraste [Attachment Quality and Empathic Ability in Adolescence]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2018. Vol. 26, no. 4, pp. 119—131. doi: 10.17759/cpp.2018260408 (Accessed 12.06.2021) (In Russian).

18. Viddal K.R., Berg-Nielsen T.S., et al. Secure attachment promotes the development of effortful control in boys. *Attachment & Human Development*, 2015. Vol. 17 (3), pp. 319–335. doi:10.1080/14616734.2014.999098

19. Sodian B. Theory of Mind – the case for conceptual development. *Young children's cognitive development. Interrelationships among executive functioning, working memory, verbal ability, and Theory of Mind / Ed. by W. Schneider, R. Schumann-Hengsteler, B. Sodian*. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Assoc. Publ., 2005. pp. 95–130.

20. Stern J.A, Cassidy J. Empathy from infancy to adolescence: An attachment perspective on the development of individual differences. *Developmental Review*, 2018. Vol. 47, pp. 1–22. doi:10.1016/j.dr.2017.09.002

21. McGinley M. Can hovering hinder helping? Examining the joint effects of helicopter parenting and attachment on prosocial behaviors and empathy in emerging adults. *Journal of Genetic Psychology*, 2018. Vol. 179 (2), pp. 102–115. doi:10.1080/00221325.2018.1438985.

22. O'Reilly J., Peterson C.C. Theory of mind at home: linking authoritative and authoritarian parenting styles to children's social understanding. *Early Child Development and Care*, 2014. 184 (12), pp. 1934-1947. doi.org/10.1080/03004430.2014.894034

23. Maleichuk G.I. Paradoksy simptoma. Sistemno-analiticheskii podkhod v rabote s psikhosomaticheskim simptomom [Paradoxes of the symptom. System-analytical approach to work with psychosomatic symptoms]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2019. 245 p. (In Russian).

24. Beitman E., Fonagi P. Lechenie pogrannichnogo rasstroistva lichnosti s opo-roi na mentalizatsiyu. Prakticheskoe posobie [Mentalization-based treatment for borderline personality disorder. Practical guide]. Moscow: «Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy» Publ., 2014. 248 p. (In Russian).

25. Crespi B., Badcock C. Psychosis and autism as diametrical disorders of the social brain. *Behavioral and Brain Sciences*, 2008. Vol. 31, no. 3, pp. 241–261. doi:10.1017/s0140525x08004214

26. Shapoval I.A. Defitsitarnost' granits Ya kak faktor narusheni mentaliza-tsii i vnutrennego dialoga pri samootchuzhdenii [Deficiency of the borders I as a factor in violations of mentalization and internal dialogue with the self-alienation]. *Vektor nauki TGU [Vector of Science TSU]*, 2019. no. 3 (38), pp. 54-60. doi: 10.18323/2221-5662-2019-3-54-60 (Accessed 12.06.2021) (In Russian).

27. Iosifyan M.A., Mershina E.A., Bazhenova D.A., Sinitsyn V.E., Larina O.M., Pechenkova E.V. Mozgovye mekhanizmy narusheniya modeli psikhicheskogo pri ras-stroistvakh autisticheskogo spektra i shizofrenii: obzor dannykh fMRT [Neural Mechanisms of Theory of Mind in Autism and Schizophrenia: A Review of fMRI Studies]. *Kliničeskaâ i special'naâ psihologiâ [Clinical Psychology and Special Education]*, 2020. Vol. 9, no. 1, pp. 17–46. doi:10.17759/cpse.2020090102 (Accessed 12.06.2021) (In Russian).

28. Bovina I.B. Issledovanie empatii: kriticheskii analiz i novye perspektivy [Empathy: Critical Analysis and New Research Perspectives]. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2020. Vol. 16, no. 1, pp. 88–95. doi:10.17759/chp.2020160109 (Accessed 12.06.2021) (In Russian).

29. Cuff B., et al. Empathy: a review of the concept. *Emotion review*, 2014. Vol. 7, pp. 1–10. doi: 10.1177/1754073914558466

30. Davis M.H. Empathy: negotiating the border between self and other. *The social life of emotions: Studies in emotion and social interaction*. L.Z. Tiedens, C.W. Leach (eds.). New York: Cambridge University Press, 2004. pp. 19–42.

31. Ware P. Personality Adaptations: Doors to Therapy. *Transactional Analysis Journal*, 1983. 13 (1), pp. 11–19.

32. Young J., Klosko J., Weishaar M. Schema therapy: A Practitioner's Guide. N.Y., Guilford Press, 2006. 436 p.

33. Shapoval I.A. Vozmozhnost' destruktivnosti vybora v psikhologicheskikh granitsakh potentsiala sub»ekta [The possibility of destructive choice within the psychological boundaries of the subject's potential]. *Razvitie lichnosti [Development of Personality]*, 2017. no. 3. pp. 159-178. (In Russian)

34. Khaken G. Informatsiya i samoorganizatsiya: makroskopicheskie podkhod k slozhnym sistemam [Information and self-organization: a macroscopic approach to complex systems]. Moscow: URSS: Lenand Publ., 2014. 317 p. (In Russian).

